

ЖИЗЕЛЬ, ЗОЛУШКА, ДЖУЛЬЕТТА

Раиса Стручкова — прекрасная балерина и замечательная рассказчица

Независимая газ. - 2000. - 5 окт. - с. 7

Майя Крылова

КАКИМ был танец прима-балерины Большого театра Раисы Стручковой, мы можем представить по отзывам прессы 50–60-х годов. Мирандолина в «Трактирщице» по пьесе «Хозяйка гостиницы» — роль, приготовленная за 6 дней. В газетах писали о «роскошной субретке», созданной из темпераментного кокетства, уязвленного самолюбия и хозяйственной сметки. Один из друзей Стручковой после дебюта подарил ей книгу пьес Гольдони с надписью: «Благодарю за исполнение Мирандолины. Карло Гольдони». Галина Уланова назвала ее Золушкой «подлинным праздником не только для зрителей, но и для нас, товарищей по профессии». Английский критик писал о неописуемом обаянии, американский — об «остроумии тела», писатель Джеймс Олдридж — об эмоциональной сложности ее ролей. Английские шекспироведы называли ее «абсолютной Джульеттой», ирландские газеты — «самой прекрасной балериной мира». Рецензенты говорили, что на спектаклях Стручковой хочется обращать внимание не только на ноги, но и на глаза: балеты того времени давали большие возможности поиграть в танце и вокруг танца. Когда она бросалась в двойную «рыбку» в полных энтузиазма концертных номерах того времени, зрителям казалось, что «никакой орел не мог бы двигаться так энергично и с такой мягкостью и легкостью». И далеко не каждая прима может прочесть о себе: «Теплота — это то качество, которое никак нельзя симулировать. Его нужно иметь».

Стручкова всю жизнь была дублершей спектаклей Улановой, за границей часто выходила на сцену после улановских успехов — и получала рецензии: «Великая балерина в своем собственном праве». До сих пор ей пишут письма восторженные поклонники из-за рубежа, не забывающие триумфальных стручковских гастролей.

Эта женщина — образец преданности. Всю творческую жизнь — в балете Большого театра, который Стручкова любит до самозабвения. С 9 лет работала с одним педагогом — балериной императорских театров Елизаветой Гердт. Тщательно пестует в ГАБТе балерин-учениц. С первых шагов Нины Ананишвили в Большом театре и по сей день Стручкова — ее наставник. То же в личной жизни: многолетний счастливый брак с танцовщиком ГАБТа Александром Лапаури (они понравились друг другу еще в детстве, когда учились в одном школьном классе) — поистине «роман века». Благодарность тому, что было в жизни, людям, находившимся рядом, — тоже черта Стручковой. Воспоминания она хранит тщательно, словно исторические реликвии. Лишь из ее уникальных устных рассказов можно узнать, как Елизавета Гердт в детстве вместе с отцом, премьером Марининского театра Павлом Гердтом, сидя у себя дома

в гостиной, зажав дыхание, слушали через потолок доносившиеся звуки только что сочиненной композитором Глазуновым музыки к балету «Раймонда» — автор исполнял ее сам этажом выше, в квартире театрального начальника. Как Стручкова с товарищами по театру, завороченные виртуозностью Вахтанга Чабукиани, сговорились «подсмотреть» секреты его двойных содебасков — каждый должен был внимательно следить за профессиональным приемом прыжка, но после спектакля выяснилось, что никто ничего не запомнил, потому что неодолимо отвлекла художественная сила артиста на сцене.

антами». Во время войны Качаров часто прямо в этом костюме шел со спектакля домой, прикрывшись плащом. Это казалось подозрительным военным патрулям, и его останавливали с вопросом: «Что у вас там?» Он откидывал плащ. И глазам изумленных стражей открывались драгоценные камни. Самое странное, что его всегда мирно отпускали домой и ни разу не арестовали — видимо, от изумления».

«В своих спектаклях я любила придумывать мизансцены. Однажды танцевала с Сергеем Коренем, прекрасным характерным танцовщиком ГАБТа, он был непревзойденным Меркуцио в «Ромео и Джульетте». Шел балет «Лауренсия»

Раиса Стручкова в балете «Жизель». Фото ИТАР-ТАСС

Рассказы Стручковой можно слушать часами. Публикация некоторых из них в дни юбилея Раисы Степановны — наше поздравление замечательной балерине.

«В Большом театре был танцовщик Евгений Качаров, многолетний партнер прима московского балета Екатерины Гельцер. Удивительный человек, бесребренник, сейчас таких нет. Жил впроголодь, но на свои деньги покупал кастаньеты для «Дон Кихота», цимбалы для «Вальпургиевой ночи», пробковые шлемы для «Красного мака». Один раз в той же «Ночи» он вышел на сцену с настоящей виноградной кистью и размахивал ей, изображая сатира. Для Злого гения из «Лебединого озера» Качаров как-то покрасил длинное перо на шляпе в лиловый цвет, а к началу спектакля краска еще не высохла. И в момент его особо сильного мотания головой мы все, кто был на сцене, оказались в лиловых брызгах. Для той же роли он сделал себе колет со старинными стразами — «рубинами» и «брилли-

по пьесе Лопе де Вега. Корень играл злого командора, который третирует жителей испанской деревни. Лауренсией была Плисецкая, а я исполняла роль Паскуалы — второй героини. В тот момент, когда командор подходит к ней, меня осенило, как сделать сцену более выразительной: я прыгнула со спины на Кореня (совершенно неожиданно для него) и крепко вцепилась ему в загривок, чтобы защитить подругу. Потом Корень ругался: ты сумасшедшая».

«Сейчас в театре балет существует психологически отдельно от оперы. Раньше было по-другому. Мы дружили с прекрасными певцами — Павлом Лисицианом, Иваном Петровым. Ходили на их спектакли, а они — на наши. С Гердт консультировалась Елена Образцова во время работы над «Кармен» и при подготовке партии Марини Мнищев в «Годунове». Как держать веер, как ходить, как протягивать руку для поцелуя. Сейчас вся эта культура почти исчезла. Кавалер

при поцелуе руки тащит конечность дамы к носу, а должен наклониться в поклоне к руке. Балет в мое время был таким искусством, что даже герой злободневного тогда балета «Красный мак», китайский грузчик, — и тот обладал внутренним благородством, которое должно было проявиться через жест».

«С киносъемками мне не повезло. Во-первых, мои танцы снимали мало, и большей частью в отрывках, за исключением фильма-балета «Золушка». Часто выбирали плохую точку для съемок, и танцовщицы в кадре получались приземистые. Надо снимать из точки «снизу вверх». Хорошо сняли в Англии во время гастролей — «Этюд» Глиэра, «Вальс» Мошковского, «Вальпургиеву ночь». Но эти пленки остались в Лондоне. Когда уже ставили камеры, а я разминалась, готовясь к работе, ко мне подошел оператор и спросил: девушка, вы так хорошо смотрите, где вы будете на сцене во время танца? Мне надо снять балерину Стручкову, а я хочу перевести камеру со Стручковой на вас. Я засмеялась и сказала: я и есть Стручкова. Ему было так нелегко!

После съемок мы, смертельно уставшие, ехали в гостиницу. Нам выдали сумочки, которые надо было срочно истратить: в тот же вечер мы улетали домой. Коллеги клюют носом, а я их тормошу: не спите, нам надо купить подарки! — и, отчаявшись до них достучаться, запела во все горло. Так и не дала всем спать, зато последний день в Англии был наш».

«И Уланова, и Ольга Лепешинская ко мне очень хорошо относились. Помню, как они полсутток, с 2-х дня до 11 ночи, красили мне хной волосы в артистической комнате ГАБТа, чтоб у прически был «венецианский цвет»: «Стручок, ты в роли Джульетты должна быть похожа на итальянку». Наутро, когда я шла в театр, за мной бежали мальчишки и кричали: тетка как морковь. У меня на лбу остались несмываемые рыжие полосы от хны. А Марина Семенова защищала меня на комсомольском собрании, когда меня в общем-то справедливо ругали: на одном из «Бахчисарайских фонтанов» я о чем-то задумалась и прозевала проход по сцене. Я сидела там как неподвижная. А она сказала: «Вы вчера все говорили: ах, какая замечательная, как она сыграла «Золушку». А сегодня хотите человека сгноить. Мне страшно среди вас». Некоторые были рады, что меня ругают».

«Я жалею, что мало репетировала. Не хватало настойчивости. Не было у меня такой отдачи, как у Кати Максимовой, которая могла по 10 часов подряд работать на пальцах, или как у моей нынешней ученицы Марьяны Рыжкиной. Иногда я ее просто выгоняю из зала. Гердт меня полушутя ругала: Стручок, тебя Господь Бог богато одарил, но надо много работать, ты ленивая, тебе галушки в рот летят, а ты их глотать ленишься. Но и другое я от нее часто слышала: как жаль, говорила Елизавета Павловна, что для тебя не может поставить балет мой учитель, великий хореограф Михаил Фокин. Я думаю, что ты ему бы очень понравилась».